

УДК 1 (091)

МОДАЛЬНОСТЬ
КАК ОДНО
ИЗ ОСНОВАНИЙ
ФИЛОСОФСКОЙ СИСТЕМЫ
КАНТА И ЕЕ СВЯЗЬ
СО СТРУКТУРОЙ ЯЗЫКА

Л. А. Калинин*

Рассмотрена роль категорий модальности через посредство постулатов эмпирического мышления вообще в построении философской системы, содержащей в качестве субстанциальных ее элементов систему функций сознания. Система эта состоит из «способностей души», как называет их Кант, а именно: ценностно-оценочной деятельности, познавательной деятельности и нормативно-практической деятельности. Этим формам деятельности соответствуют последовательно мир возможностей, действительный мир и необходимый мир. В соответствии с модальными мирами и «способностями души» находятся грамматические наклонения языка. Все это означает, что система Канта находит отражение в системе языка, что свидетельствует об органичности его философии.

Философские идеи системы Канта могут послужить основой построения теории наклонений языка. Революционное положение Канта о ценностях, знаниях и нормах как трех аспектах экзистенциальной реальности приводит к заключению, что модальность в языке и его наклонения нельзя отождествлять, несмотря на их взаимосвязь. Категории модальности выражают не сущность наклонений, а лишь условия их функционирования. И это открывает новые перспективы как в изучении наклонений, так и модальностей. Однако система Канта — единое целое и пользоваться частью без учета целого нельзя.

Ключевые слова: философская система Канта, категории модальности, система функций сознания, теория ценностей, норм и знаний.

Категории модальности имеют ту особенность, что как определение объекта они нисколько не расширяют понятия, которому они служат предикатами, а выражают только отношение к познавательной способности.

И. Кант. Критика чистого разума. В 266

Решающая роль категорий модальности в философской системе Канта редко привлекает к себе внимание интерпретаторов по двум причинам. Первая и, мож-

* Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 236041, Россия, Калининград, ул. А. Невского, 14.

Поступила в редакцию: 28.12.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2017-1-1

© Калининков Л. А., 2017

но сказать, основная, заключается в том, что система, как правило, рассматривается по частям и до обзора ее как целого дело так и не доходит, тогда как она изначально вместе со всеми ее элементами должна интерпретироваться в качестве теоретического целого как философской системы трансцендентальной антропологии, к чему настойчиво призывал читателей Кант, начиная с «Критики чистого разума», где этот призыв раздается с предисловия вплоть до «Канона» и «Архитектоники».

Даже такой утонченный интерпретатор философского построения Канта, как Карл Ясперс, не усмотрев систематизирующего полимодального членения мира в отношении действующего в нем субъекта, вместе, разумеется, со всеми другими факторами такого рода, в итоге отказал Канту в достижении логически последовательной философской системы. Фундаментальный труд К. Ясперса, посвященный Канту, завершает глава «Критика Канта», где он пишет: «Мы видим систематики Канта и просто формы упорядочения, которые он применяет для изложения. Мы видим то очевидно немалое удовлетворение, которое доставляет ему уже и всякий порядок, а уж тем более — полнота системы. Но мы нигде не получаем самой "системы". Это факт» (Ясперс, 2014, с. 384).

То есть, считает Ясперс, наличествует воля к системе, но самой системы так и нет: «У Канта речь постоянно идет о систематике, а не о системе как таковой» (Ясперс, 2014, с. 386).

Вторая причина кроется в том, что важнейший и многозначный в системе термин «вещь в себе», как правило, рассматривается вне различия приобретаемых им в разных ситуациях значений, тогда как, например, в «Аналитике» важнейшим значением становится одно, а в «Диалектике» — другое. Но если нарушается их единство, то следствием этого оказывается отсутствие системного единства между наукой и метафизикой, между теоретическим и практическим разумом.

Задача моя в данной работе и будет состоять в доказательстве тезиса о существенной роли категорий модальности в их трансцендентальном понимании в системе трансцендентального критицизма как теоретическом целом, где сама система есть трансцендентальная антропология, исходящая из природы активной человеческой деятельности, конституирующей субъект-объектный мир явлений из объективных возможностей, которые в их *абсолютном целом* всегда остаются вещами в себе, только в этом абсолютном качестве и являющиеся непознаваемыми. Именно активная творческая человеческая деятельность со всеми обуславливающими ее обстоятельствами предстает в качестве социальной онтологии; общественное бытие и есть разумная человеческая деятельность, протекающая во взаимном универсальном общении, обеспечивающем возможность кооперации и обмена результатами индивидуальных действий.

Только для таких онтологических процессов имеет смысл модальное разделение бытия на мир возможный, мир действительный и мир необходимый. Наконец, поскольку активная деятельность по приспособлению мира возможна лишь при условии общения, а универсальным средством такового стал язык, это разделение бытия должно проявляться и в формах языка. Модальность не может в языке отсутствовать, ибо должно существовать в нем общезначимое средство определения, о каком из трех миров идет речь между взаимодействующими индивидами.

1. Модальность формально-логическая и модальность в системе практических наклонений языка

Связь между двумя этими видами модальности далеко не очевидна и установлена была лишь в ходе развития как грамматики, так и логики. Без посредствующего звена, без медиатора, разглядеть эту связь не удавалось; на роль же этого медиатора претендует, как показывают факты, философская система Канта с ее введением в культуру мышления логики *трансцендентальной*, дополняющей и усложняющей традиционную формальную логику, и трансцендентальной рефлексии, базирующейся на трансцендентальной логике.

Грамматическая категория наклонения и находящаяся в связи с ней категория языковой модальности до сих пор остается теоретически мало осмысленной, несмотря на колоссальное обилие эмпирических наблюдений. И здесь влияние античной грамматики продолжает сказываться как значимый исторический казус, авторитет которого не ослабевает. Он проявился в европейских грамматиках в том, что к видам наклонений в латыни было применено слово *модальность*, восходящее к весьма абстрактному понятию *modus*, а оно как многозначное означает разнообразие — *мир образов, способов, родов, средств* — деления чего-то общего и сложного на простое и частное. В числе прочего получила деление на модальности и грамматическая категория наклонения. Латинские грамматики к их чести (ибо это далеко не очевидно) остановились на трех модальностях: *modus indications*, *modus conjunctions* и *modus imperandi*, начав, что вполне естественно, с предварительного дихотомического деления на *modus infinitus* и *modus fatendi*, то есть на неопределенную форму речи и форму определенную (что-то высказанное, одобренное, предсказанное, к чему-то побуждающее). Именно последний модус и дал начало трем окончательным наклонениям в латинском языке.

Важно отметить, что наклонения эти не имели прямого отношения к модальностям логическим, деление на которые произошло позднее, чем деление на языковые наклонения. Во всяком случае, если мы обратимся к логическим трудам Аристотеля, как на латынь переведенных еще в древности, так и ставших известными на латыни уже в позднее Средневековье, какой-либо речи о связи логических модальностей с наклонениями нет. Ни сам Аристотель ничего об этом не сообщает, ни его более поздние истолкователи.

Связь категорий наклонения языка с категориями логической модальности в работах по грамматике индоевропейских языков появляется не ранее начала XIX в. Можно предположить, что параллель между модальностями наклонения и логическими модальностями стала возможна как результат обстоятельного знакомства ученых с «Критикой чистого разума» И. Канта, поскольку Кант всю систему категорий рассудка вывел из *логических* свойств суждений. На этот факт связи категорий с формальной логикой и было прежде всего обращено внимание. А то, что Кант придал своим категориям не просто формальнологический смысл, а смысл *трансцендентально-логический*, первоначально понятно не было. Трансцендентальная революция логики, свершенная Кантом, потребовала взаимопроникновения логических форм и содержания мышления, значит, наличия проявле-

ния форм трансцендентальной логики и в языке. На металогический характер категорий модальности и решающую их роль в построении системы в целом внимание было обращено лишь в самое последнее время, хотя Кант специально это подчеркивал, например, в «Пояснении» к «Постулатам эмпирического мышления вообще»¹.

2. Обоснование аналогии между трансцендентально-логической системой основоположений модальности и системой наклонений

Аналогия между постулатами эмпирического мышления вообще и системой наклонений, в частности обратившая на себя внимание благодаря Канту, была отмечена академиком В. В. Виноградовым в его книге «Русский язык» применительно к истории русской грамматики, и я приведу здесь это замечательное место из раздела «Категория наклонения»: «Грамматические взгляды на категорию наклонения в начале XIX в. подверглись сильному влиянию учения формальной логики о модальности суждения, — пишет он. — Здесь различались три категории модальности (возможность-невозможность, бытие-небытие, необходимость-случайность). В соответствии с этим в русской грамматике XIX в. укрепилось учение о трех наклонениях — изъявительном, повелительном и сослагательном — в зависимости от трех форм суждений (асерторическое, аподиктическое и проблематическое суждения). Академик И. И. Давыдов в "Опыте общесравнительной грамматики русского языка" (1852) открыто сопоставлял эти наклонения с категориями модальности в учении Канта:

"1. Изъявительное (*judicium assertoricum*) для показания действия независимого и действительно совершающегося...

2. Повелительное (*judicium apodicticum*) для выражения воли независимой и непосредственной, прямой...

3. Сослагательное (*judicium problematicum*) для выражения действия предполагаемого и только возможного..."

Учение о трех наклонениях прочно вошло в обиход современной русской традиционной грамматики, но его первоначальное логическое, философское обоснование уже давно забыто» (Виноградов, 1970, с. 458).

Какими же были основания проведенной профессором Московского университета И. И. Давыдовым аналогии между двумя видами модальности, усмотренные им в философских идеях Канта? То, что Давыдов (1794—1863) был кантианцем, хорошо известно из многочисленных воспоминаний слушателей его лекционных курсов и специальных философских его работ. Попытка дать характеристику философских идей в работах И. И. Давыдова совершена А. Н. Кругловым на страницах книги «Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX веков». Оценка, данная здесь И. И. Давыдову, весьма традиционна, и она вряд ли справедлива. Оценки, данные ему, на основании отрывочных суждений Давыдова не могут быть исчерпывающими. Во всяком случае, им противоречат воспоминания таких студентов профессора, как Ап. Григорьев и А. Фет, с восторгом отзывавшихся о его лекциях, на которых философия Канта, как правило, служила средством аргументации. Прочитанная В. В. Виноградовым ра-

¹ См. Кант. Критика чистого разума. М., 1964. С. 281, 294—295; 266, 286—288.

бота академика И.И. Давыдова говорит о глубоком понимании им «Критики чистого разума», но, сосредоточившись на эстетике и философии искусства, Давыдов основное внимание уделял последней кантовской «Критике». Традиционно как славянофильская рассматривается статья, написанная Давыдовым для «Москвитянина» — «Возможна ли у нас Германская философия?» В ней И.И. Давыдов с вполне уловимым сожалением делает свой «неутешительный вывод»: «...в настоящее время Германская современная философия невозможна у нас по противоречию ее нашей народной жизни, религиозной, гражданской и умственной, тем более что она перестает быть оракулом даже для своих соотечественников» (цит. по: Круглов, 2009, с. 197). Однако вывод этот неутешителен вовсе не для германской классической философии, то есть для Канта и немецкого трансцендентального идеализма, а русской умственной жизни. Замечание академика Давыдова о том, что она перестает быть оракулом и на родине, говорит о хорошем знании состояния дел в немецкой философии в середине XIX в., поскольку в моду начал входить А. Шопенгауэр.

Если вернуться к поставленному выше вопросу об основаниях аналогии между логической модальностью и наклонениями, то они могли ограничиваться только логикой, логической модальностью суждений; однако могли исходить из более глубоких оснований аналогии между модальностью в логике трансцендентальной и модальной системой наклонений языка, для чего надо было бы исходить из общего строя системы Канта и разработанной в ней системы функций сознания. И.И. Давыдов ограничился логической модальностью суждений и участием этой модальности в «постулатах эмпирического мышления вообще», функционирующей в *процессе познания* окружающего нас мира, в результате чего все наклонения языка оказались отнесенными к единственной функции сознания — теоретико-познающему разуму. Таким образом, он и его сторонники и продолжатели надолго задержали развитие теории наклонений в языкознании. Модальность логическая и модальность наклонений, хотя они связаны, — не одно и то же. Первая характеризует одно из логических свойств суждений (независимо от того, в каком из наклонений сформулировано суждение: в изъявительном, сослагательном или повелительном), тогда как модальность наклонения — это отнесение суждения к одной из функций сознания: ценностно-оценочной, познавательной или нормативно-практической.

Логическая сторона дела заключается в том, что по установившемуся общепринятому мнению модальность наклонений заключается в отношении действия, выражаемого в предложении сказуемым, к *действительности*. Агент речи рассматривает наклонение в качестве прямого, когда констатируется наличие того или иного действительного факта, или косвенного, когда отношение к факту сопровождается оценкой высказываемого факта или побуждением к его осуществлению (как и воздержанию от этого), часто добавляя еще и указания по способу этого осуществления. В любом случае акцентируется отношение действия к фактуальной действительности.

Не то имеет в виду Кант, выделяя группу категорий модальности. Если категории трех других групп в классификации категорий объективны, то категории модальности субъективны. Кант пишет по этому поводу: «...основоположения о модальности не есть объективно-синтетические положения, так как от того, что предикаты возможности, действительности и необходимости что-то прибавляют к представлению о предмете, понятие, о

котором они высказываются, несколько не расширяется. Но так как они тем не менее имеют синтетический характер, то они таковы только субъективно, то есть к понятию вещи (реального), о котором они вообще ничего не высказывают, они прибавляют познавательную способность, в которой оно возникает и находится...» (Кант, 1964, с. 214; В 286). И тут очень важно отметить, что с познавательными способностями (рассудком и разумом) сопряжены соответствующие им «способности души»: способность познания, чувство удовольствия и неудовольствия и способность желания (Кант, 1966, с. 152). Для каждой из способностей души нужны все эти познавательные способности, однако в каждой из способностей души выделяется «высшая способность» (Кант, 1966, с. 197–199): рассудок — для познания, чувственность — для чувства удовольствия и неудовольствия и разум — для способности желания.

В модальных основоположениях, которые Кант называет «постулатами эмпирического мышления вообще», более важными оказываются уже не познавательные способности, а способности души, из которых способность познания — лишь одна из трех. Во-первых, уже само название этих постулатов как *постулатов мышления*, а не познания свидетельствует об этом, ибо, как настойчиво утверждает Кант, с их помощью мы *ничего не познаем*, а мыслить надо в любой из функций души: производишь ли оценку и ставишь цель, выбираешь ли норму, следуешь ли предписанию, осуществляешь ли акт познания... Во-вторых, хорошо известно, что, согласно Канту, чувство само по себе вообще ничего не познает, что в не меньшей мере относится и к разуму, обретающему конститутивную способность только в качестве волящего разума.

Беда в том, что и долго после Канта, после совершенной им революции, когда он доказал, что познание и сознание далеко не одно и то же, что познание — это только один элемент в системе функций сознания, на доказательство это не обращалось никакого внимания. В системе Канта, рассматриваемой сквозь призму целого, способность познания и «способности души в совокупности» (Кант, 1966, с. 152–153) — это чрезвычайно разные вещи.

Академик И. И. Давыдов, а вслед за ним и академик В. В. Виноградов не приняли во внимание это принципиальное различие, не обратили внимания и на тот факт, что все три формально-логических *modus'a*: и вероятность, и действительность, и необходимость — свойственны как способности познания, так и ценностно-оценочной способности и способности нормативно-практической. Кант даже специально это демонстрирует применительно к нормативно-практической способности души (или к способности желания в его не вполне точной терминологии): модально-практическим категориям *дозволенное* и *недозволенное* (области допустимого произвола) соответствует *modus возможное*; модально-практическим категориям *долг* и *противное долгу* (области права) соответствует *modus действительное*, а категориям *совершенный* и *несовершенный долг* (область морали) — *необходимость* (Кант, 1965, с. 390). Но поскольку категории модальности в реальном сознании работают лишь внутри постулатов эмпирического мышления вообще, в каждой из способностей души основную нагрузку на себя берет определенная модальная категория. Кант постулаты эмпирического мышления определяет следующим образом:

«1. То, что согласно с формальными условиями опыта (если иметь в виду созерцание и понятия), *возможно*.

2. То, что связано с материальными условиями опыта (ощущения), *действительно*.

3. То, связь чего с действительным определена согласно общим условиям опыта, существует *необходимо*» (Кант, 1964, с. 280). Понятно, что мир возможного шире действительного мира и включает множество такого, что способно улучшить, усовершенствовать, обогатить, украсить действительный мир новыми для него ценностями. Единственное условие — отвечать формальным условиям опыта, то есть быть непротиворечиво мыслимым, что значит — реально осуществимым. Столь же понятно, что мир действительного — это мир непосредственно познаваемый, готовый к *изъявлению*, предъявлению себя как в деталях, так и в целом. А мир необходимый сопряжен с императивностью, с побуждением его как минимум поддерживать и совершенствовать.

3. Трансцендентально-логическая модальность, система функций сознания и языка

Конечно, во времена И. И. Давыдова, то есть в 40–60-е гг. XIX в., не он один, а никто еще из философов не видел принципиальной связи трансцендентально-логической модальности с общим строем Кантовой критической философии. Предметом философии, согласно Канту, стали отношения между способностями души субъекта (современный философ рассматривает эти способности как систему функций сознания) и объектом, реально существующим миром как целым, который в итоге от субъекта не зависит, чего нельзя сказать о субъекте — он-то зависит от объекта. До Канта, да и после него в значительной степени предмет философии рассматривался проще. Это было отношение монолитного сознания, а не разделенного на функции, к объекту, независимо от того, объект определял сознание или наоборот. Дело в том, что Кант начал рассматривать в качестве единственно действительного субъекта человечество, состоящее в конечном итоге из индивидов, и сделал субъект активно-деятельным, не приспособившимся к объективным условиям среды, а, напротив, приспособившим перестроенную среду к своим потребностям. Деятельность субъекта в своей сути трифункциональна. Деятельность есть преобразование, трансформация и метаморфозация *предметов* среды согласно определенным потребностям субъекта, его целям, с помощью найденных в той же среде *средств*. Она, деятельность, преобразует одну часть среды — предмет деятельности, с помощью другой части — средства деятельности, руководствуясь целями самого носителя этой деятельности. Это значит, что деятельность всегда исходит из 1) цели, направлена на 2) предмет, преобразуемый с помощью 3) средства.

Деятельность как активное отношение к среде возможна лишь на двух уровнях: духовном и материальном. Она должна быть смоделирована в сознании, а затем духовная модель (по сути — три модели, образующие одну) должна быть опредмечена, материализована в предметной среде. Сначала надо все обдумать, а затем только — приступить к делу. Основопологающим для деятельности является моделирование целей, осуществление на основе целей оценок разного рода и конституирование многообразных ценностей. Кант назвал эту функцию сознания, как уже было ска-

зано, *чувством удовольствия и неудовольствия*. Цели, чтобы они могли быть осуществлены, обязаны быть соотнесены с условиями среды, в которой предстоит осуществить деятельность. В этих условиях среды и заключены предметы деятельности, существующие вне всякой зависимости от наших целей. Поэтому необходимо *познание* предметной среды, то есть знания как модели предметов деятельности. Эта функция, согласно Канту, есть способность познания, в предшествующей критицизму философии рассматривавшаяся как единственная функция сознания. Считалось, что сознание дано человеку для производства знаний, что в познании и заключено все его назначение. Наконец, поскольку предмет еще только предстоит преобразовать так, чтобы он смог удовлетворять нашим целям, надо иметь модель способов (или норм деятельности), посредством которых предметы уподобляются целям, нужны средства деятельности. Кант назвал эту функцию сознания *способностью желания*.

Именно трифункциональности нашего сознания, заключающегося в разработке 1) ценностей, 2) знаний и 3) норм, мы обязаны тому факту, что в различных языках, служащих средством функционирования сознания, существует три (и только три) универсальных наклонения. Их можно назвать *кардинальными наклонениями* языков, поскольку они обязательны для любого из них, и чем развитее язык, тем полнее и отчетливее они обнаруживаются. Наклонение *сослагательное* (*modus conjunctivus*) служит выражению *оценок и ценностей* различного рода и обуславливающих их факторов и состояний реальности. *Изъявительное наклонение* (*modus indicativus*) обеспечивает выражение *знаний* о наличной как эмпирически, так и теоретически познанной реальности, выявляет объективное положение дел в окружающем нас природном и общественном мире. И наконец, *повелительное наклонение* (*modus imperandi*) служит формированию и реализации *норм* деятельности, указаний, советов, просьб, как надлежит действовать тому или иному лицу во взаимодействии с другими по достижению цели.

Связь трансцендентально-логических категорий модальности с функциями и, следовательно, с этими кардинальными наклонениями языка не лежит на поверхности, и ее можно обнаружить только в том случае, когда в фундаментальных структурах «Критики чистого разума» открывается общий строй системы Канта как философского целого, заключенного в трех «Критиках...», по крайней мере. Категории *возможности* соответствует *мир вещей в себе*. Главный смысл этого все еще кажущегося загадочным понятия Кантовой гносеологии представляет собою *совокупность всего возможного опыта*, который, чтобы стать источником *нового действительного опыта* как основы новых ценностей, требует предварительного моделирования целей, без чего невозможны ни оценки, ни ценности. Этот мир всего возможного опыта таит в себе условия новых потребностей и желаний, которые поддаются удовлетворению в том случае, если мы не выходим за пределы этого опыта, если желания наши реальны и осуществимы.

Таким образом, мир вещей в себе как мир объективный и никак от нас не зависимый служит источником удовлетворения такой нашей способности, как *чувство удовольствия и неудовольствия*. Тот факт, что категория возможности (и соответствующая ей категория вещей в себе) таит источник как материальных, так и духовных ценностей и органически связана с наклонением *сослагательным*, самим Кантом не эксплицирован, поскольку он прежде всего думал о сознании, а не о языке, о содержании сознания, а не о форме его выражения.

Категории *действительность* соответствует мир *явлений* как мир опыта действительного, и этот опыт служит выражению изъяснительного наклонения. Обсуждая проблему логического соотношения трансцендентальных категорий возможного и действительного, Кант писал: «Скудость наших обычных умозаключений, с помощью которых мы узнаем об обширном царстве возможности, где все действительное (все предметы опыта) составляет лишь малую часть, вообще бросается резко в глаза» (Кант, 1964, с. 292). По логическому закону обратного отношения содержания понятий к их объему чем «скуднее», абстрактнее содержание, тем шире объем этого понятия. Кажется, что область могущего быть высказанным в сослагательном наклонении значительно обширнее области *изъявленного*, то есть ставшего действительным явлением. Однако, доказывает Кант, это так для каждого конкретного исторического момента времени, в абсолютном же смысле, в бесконечном ходе исторического развития человечества мир опыта *действительного* и мир всего *возможного* опыта устремлены к достижению тождества.

Наконец, категории *необходимость* соответствует мир человеческих взаимоотношений, опосредствованных артефактами, вещами, являющимися непосредственными плодами ума и рук человека, базисом которых стали строгие причинно-следственные связи действительности. Связи эти — необходимые законы бытия, которые и используют люди в своей практической деятельности. Надо, конечно, не выпускать из виду, что законы межчеловеческих отношений послужили тому, что были найдены объективные законы природы, что побудительные мотивы организации взаимодействия людей друг с другом стали основой осознания и использования отношений между явлениями биофизического мира. Кант недаром разделил всю сферу нормативно-практической функции сознания на морально-практическое и технически-практическое. *Повелительное* наклонение языка служит именно этой сфере в мире человеческой деятельности.

4. Логическая модальность и модальность в языке

Как же решается проблема категорий логической модальности и наклонений, если наклонения есть выражение в языке не логической модальности, а функций сознания?

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что логические модальности вовсе не несут сущности наклонений, а суть только *условия их реализации*, те обстоятельства, при наличии которых они могут быть осуществлены. И поскольку это так, то это объясняет и такой факт, почему наклонений может быть только три, а модальностей в речи неопределенно много. Сами по себе наклонения — это способы выражения трех непрерывных функций сознания: 1) ценностно-оценочной, 2) познавательной и 3) нормативно-практической, условия реализации которых — это три важнейших онтологических сферы: 1) мир вещей в себе, 2) мир явлений, 3) социально-человеческий мир, — органически связанные с тремя определяющими логическими модальными категориями, которых как выражающих всеобщее и необходимое логическое отношение модальности может быть также только три: 1) возможность, 2) действительность и 3) необходимость. Я уже не упоминаю здесь о том, что функции сознания, в свою очередь, определяются структурой деятельности, которая также включает три элемента.

Именно по экзистенциальной значимости функций сознания они и нашли морфологическое выражение в формах глагола. Но поскольку не относящихся модальных отношений, особенно за пределами функций изъявления (познания), может быть очень много, то и способов их выражения в языке должно быть никак не меньше. К тому же количество их должно только расти. Существует семантическая тенденция называть всякую сколь угодно частную и специфическую функцию речи модальностью, поскольку понятие *модус* чрезвычайно абстрактно и может быть даже синонимом категории *качество* или *вид*. Продуктивность в современном русском языке (как и в любых развитых языках) такой морфологически-семантической категории, как модальные слова и частицы, демонстрирует этот процесс. И вполне естественно, что «многие модальные слова образовались из наречий» (Виноградов, 1972, с. 569), поскольку модальность выражает объективно-субъективные обстоятельства реализации функций сознания. Условия, в которых происходит действие, — это синтаксическая функция наречий. И роль синтаксиса в этом процессе, которая становится все более многообразной, находит проявление в усложнении обстоятельственных ситуаций, не могущих ограничиваться наречными словами и частицами, а требующих выхода за пределы простых предложений в просторы абзаца и даже сверхабзацного единства.

Нужно иметь в виду, что бурно происходит процесс нарастания значимости коммуникативной функции языка, необходимость взаимопонимания часто играет решающую роль. Поэтому модальность переносится на новый уровень, становится в метапозицию по отношению к традиционным формам ее выражения. Важно теперь прежде всего установить, оценить, уточнить не реальную ситуацию, а уровень ее понимания собеседниками, важно уловить модальный статус речей участников диалога, появляется желание понять, что же они думают *на самом деле*... Без понимания модальных обстоятельств часто не понять просто смысла сказанного.

Чрезвычайно важно увидеть, что в языке идет не рост числа наклонений, которое ранее, то есть по сравнению с древними языками, как и в самих древних языках (Реферовская, 1990, с. 321), почему-то сокращается, а усложнение системы модальностей, их дробление, с одной стороны, и субъективизация как удаление от непосредственной реальности к реальности коммуникативной — с другой. Академик В.В. Виноградов склонялся именно к этому, скорее интуитивно, так как и сам отождествлял наклонения с модальностями, когда, например, писал: «Формы наклонения глагола притягивают к себе группы модальных слов и частиц, которые обращаются в побочных грамматических выразителей модальности предложений» (Виноградов, 1972, с. 473), то есть основные выразители модальности все те же — наклонения. То же самое утверждает им при анализе модальных частиц: «Формы глагольного наклонения оказывается недостаточно для выражения модальных оттенков высказывания. На помощь приходят частицы» (Виноградов, 1972, с. 529).

Поэтому и теория роста числа наклонений в русском языке академика А.А. Шахматова то вроде бы им не одобряется, а то отношение к ней вполне снисходительное (Виноградов, 1970, с. 460, 474, 570, 573).

Вывод этой работы заключается в том, что философские идеи системы Канта могут послужить основой построения теории наклонений языка. Революционное положение Канта о ценностях, знаниях и нормах как трех

аспектах экзистенциальной реальности приводит к заключению, что модальность в языке и его наклонения нельзя отождествлять, несмотря на их взаимосвязь.

Категории модальности выражают не сущность наклонений, а лишь условия их функционирования. И это открывает новые перспективы как в изучении наклонений, так и модальностей. Однако в нашей работе еще раз показано, что система Канта — единое целое и пользоваться частью без учета целого нельзя.

Список литературы

1. Виноградов В. В. Русский язык. М., 1972.
2. Кант И. Критика чистого разума // Соч. : в 6 т. М., 1964.
3. Кант И. Критика практического разума // Там же. М., 1965. Т. 4(1).
4. Кант И. Критика способности суждения // Там же. М., 1966. Т. 5.
5. Круглов А. Н. Философия Канта в России в конце XVIII — первой половине XIX века. М., 2009.
6. Реферовская Е. А. Наклонение // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
7. Яспрес К. Кант: жизнь, труды, влияние. М., 2014.

Об авторе

Леонард Александрович **Калининков** — доктор философских наук, профессор Института гуманитарных наук Балтийского федерального университета им. И. Канта, kant@kantiana.ru

MODALITY AS A BASIS OF KANT'S PHILOSOPHICAL SYSTEM AND ITS CONNECTION TO THE LANGUAGE STRUCTURE

L. Kalinnikov

This article examines the category of modality through the postulate of empirical thinking in general and in constructing a philosophical system where functions of consciousness are substantial elements. The system comprises 'faculties of the mind', as Kant calls them, namely, evaluation, cognition, and practical activity and norms. These forms of activity correlate with the world of possibilities, the actual world, and the world of necessity. Grammatical moods correspond to the modal worlds and the 'faculties of the mind'. All this means that Kant's system finds a reflection in the system of language, which is another argument in favour of the organicity of his philosophy.

However, the philosophical ideas of Kant's system can serve as basis for a theory of grammatical moods. Kant's revolutionary idea of values, knowledge, and norms as three aspects of existential reality lead to a conclusion that modality and moods are not identical, despite being interrelated. The categories of modality do not express the essence of moods but rather the conditions for their functioning. This gives a new perspective on the study of moods and modalities. However, Kant's system is a cohesive whole and no part of it can be used without considering this fact.

Key words: *Kant's philosophical system, category of modality, system of functions of consciousness, theory of values, norms, and knowledge.*

References

1. Vinogradov V. V. 1972, *Russkij yazyk* [Russian language]. M. : «Vysshaya shkola».
2. Kant, I. 1964, *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason] in: Kant, I. *Sochineniya v shesti tomah* [The works in six volumes], vol. 3, Moscow.

3. Kant, I. 1965, *Kritika praktičeskogo razuma* [Critique of Practical Reason] in: Kant, I. *Sočinenija v šesti tomah* [The works in six volumes], vol. 4/1, Moscow.
4. Kant, I. 1966, *Kritika sposobnosti suzhdenija* [Critique of Judgment], in: Kant, I. *Sobranie Sočinenij v 6 t.* [Works in 6 volumes]. *Mysl'* [Thought], vol. 5, Moscow.
5. Kruglov A. N. 2009, *Filosofija Kanta v Rossii v konce XVIII- pervoj polovine XIX vekov* [Kant's philosophy in Russia at the end of the first half of XVIII – XIX centuries]. M. : «Kanon+».
6. Referovskaya E. A. 1990, *Naklonenie* [Mood], in: *Lingvističeskij ehnciklopedičeskij slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. M. : «Sovetskaya ehnciklopediya».
7. Yaspers K. 2014, *Kant: žizn', trudy, vliyanie* [Kant: life, works, influence]. M. : «Kanon+».

About the author

Prof. Leonard Kalinnikov, Institute of Humanities, Immanuel Kant Baltic Federal University, kant@kantiana.ru